ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2023. № 1. С. 34–52
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2023, no. 1, pp. 34–52

DOI: 10.31857/S0869049923010033
EDN: NFICRY

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
ISSUES OF NATIONALITIES

Оригинальная статья / Original article

Колебания маятника: модель или метафора перемен в национальной политике многосоставного государства? Случай СССР и постсоветской России

© Э.А. ПАИН

Паин Эмиль Абрамович, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), epain@hse.ru. ORCID: 0000-0002-8796-187X

Национальная политика в многосоставных государствах зачастую изменчива и противоречива. Необходимо изучать данные особенности, чтобы выявить общие закономерности этнополитических процессов. Представлен анализ причин колебаний курса национальной политики СССР и, отчасти, политики постсоветской России. Даны критические оценки концепциям «этнополитического маятника» и «маятника национальной политики». Выявлено, что советское руководство, преднамеренно или неосознанно, было непоследовательным в соблюдении фундаментальных принципов национальной политики: право наций на самоопределение, федерализм и права этнических меньшинств. На основе проведенного анализа сделаны следующие выводы. Курс советской национальной политики менялся в зависимости от актуальных политических задач, которые зачастую требовали корректировать идейные принципы или отступать от них. Образ маятника применим скорее как метафора, чем объяснительная модель колебаний курса в данной области. Советский опыт недостаточно осмыслен в современной России, в результате чего сохраняется высокая вероятность этнической и конфессиональной мобилизации граждан.

Ключевые слова: национальная политика, этнополитический маятник, национальное самоопределение, федерализм, права меньшинств

Цитирование: Паин Э.А. (2023) Колебания маятника: модель или метафора перемен в национальной политике многосоставного государства? Случай СССР и постсоветской России // Общественные науки и современность. № 1. С. 34–52. DOI: 10.31857/S0869049923010033, EDN: NFICRY.

Swinging Pendulum: A Model or Metaphor for Change in Policy on Nationalities in Multi-composite States? The Case of USSR and Post-Soviet Russia

© E. PAIN

Emil A. Pain, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia), epain@hse.ru. ORCID: 0000-0002-8796-187X

Abstract. Nationalities' policy in multi-composite states is often characterized by its fluctuance and even inconsistency. It is essential to study the said characteristics to understand the general patterns of ethnopolitics. The underlying reasons for significant fluctuations in Soviet and Russian nationalities' policy are analyzed. The concepts of "ethnopolitical pendulum" and "pendulum of nationalities' policy" are critically assessed. Most attention is paid to the issue of the Soviet leadership's real and perceived inconsistency in following such key principles of nationalities' policy in the USSR as the right of nations to self-determination, federalism, and the rights of ethnic minorities. Based on this analysis, the following conclusions are made. First, the changes in Soviet nationalities' policy were caused by shifting current political concerns, which often demanded correcting or overruling ideological principles. Second, the pattern of a pendulum is more of a metaphor than an explanatory model for analyzing fluctuations in this field. Finally, the Soviet experience remains understudied in modern Russian nationalities' policy, which has a high probability of ethnic and confessional mobilization.

Keywords: nationalities' policy; ethnopolitical pendulum, national self-determination, federalism, minority rights

Citation: Pain E. (2023) Swinging Pendulum: A Model or Metaphor for Change in Policy on Nationalities in Multi-composite States? The Case of USSR and Post-Soviet Russia. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 34–52. DOI: 10.31857/S0869049923010033, EDN: NFICRY.

О методологии: неоправданные генерализации

Под национальной политикой в рамках исследования понимается комплекс политических доктрин и действий (политических и организационных мер) государства по отношению к народам (национальностям), проживающим на территории страны[1]. Противоречивость присуща национальной политике любого государства хотя бы потому, что в этой сфере отражается противоречивость ее целей: с одной стороны, необходимо поддерживать нормы законодательства (общего для всех подданных или граждан), а с другой, – в той или иной мере учитывать интересы культурно разнообразных групп населения. Чем шире культурное многообразие населения, тем острее в государстве проявляются противоречия национальной политики, и тем чаще и радикальнее может меняться ее курс. Наиболее заметно менялись политические стратегии в отношении этнических и религиозных общин

[1] Данный термин употребляется потому, что именно его применяют в основополагающих государственных документах, таких как Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года (обновлена в 2018 г.). Вместе с тем, с научных позиций было бы точнее назвать предметом исследования политику в отношении национальностей (nationalities' policy) или этнополитику. С утверждением в российском политическом дискурсе понятия «российская нация» под национальной политикой можно понимать всю внутреннюю и внешнюю политику государства-нации.

в государствах, которые включали в себя многочисленные этнические и конфессиональные территории, прежде всего в древнейших (Персидская, Римская, Византийская и др.) и новейших (с XVIII по XX в. – Австро-Венгерская, Британская, Османская, Российская и др.) империях.

Некоторые исследователи предлагают относить государства с ярко выраженными этническими и/или конфессиональными территориями (империи, федерации, конфедерации и др.) к одному типу территориально-государственного устройства, который называют многосоставным государством [Многосоставные… 2019]. Данная дефиниция применима и для описания территориально-государственного устройства, которое веками сохраняется в России. Оно сложилось во времена Российской империи, сохранилось в Советском Союзе и современной Российской Федерации. На протяжении своей истории многосоставное государство характеризовалось не только высокой этнической мозаичностью (СССР называли страной ста «наций и народностей», по данным переписи населения 2021 г., в России проживает почти двести народов), но и исторически сложившимися этническими территориями. За некоторыми из них закреплен особый административный статус – будь то Бухарский эмират как протекторат Российской империи, союзные республики в СССР или республики в Российской Федерации. Все перечисленные типы многосоставного государства периодически меняли политику в отношении к меньшинствам и этническому большинству, к централизации и автономизации этнических территорий.

Реальная, а чаще кажущаяся однотипность изменений национальной политики многосоставного государства вызывала у исследователей стремление построить теоретические модели, которые позволят дать объяснение и даже прогноз направлений перемен.

Основная цель данной статьи – проанализировать возможности моделирования циклической смены политической активности этнических сообществ и, особенно, циклов колебаний курса государственной национальной политики. Такой анализ может быть полезен применительно к отдельным многосоставным государствам. Важная задача исследования – оценить релевантность гипотез о причинах радикальных перемен курса национальной политики Советского Союза и связь этих перемен с базовыми принципами марксистской идеологии. Помимо аналитических, в статье поставлены и просветительские задачи: прежде всего, продемонстрировать реальную сложность этнополитических процессов. В частности, слабо осмыслено то, как на практике совмещаются теоретически несовместимые курсы национальной политики. Также мало изучена принципиальная асинхронность этнополитических процессов. В научном анализе и политической практике принято упрощать эти аспекты, что повышает вероятность ошибочных решений в национальной политике. Предполагается, что ошибочные управленческие решения могут быть следствием недооценки советского исторического опыта.

Оценку моделей цикличности этнополитических процессов следует начать с самокритики. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. автор увлекся данной задачей, что подтолкнуло его предложить концепцию «этнополитического маятника». Она была обоснована в ряде публикаций, в том числе и в монографии, в название которой вошло это словосочетание [*Паин* 2004]. В этой работе внимание было сосредоточено на анализе смены циклов политической активности (политизации этничности) у представителей этнических меньшинств и этнического большинства. В то же время термин «этническое меньшинство» рассматривался как аналитический конструкт для обозначения представителей всех национальностей, которые не входят в понятие этническое большинство (русские). Изучались колебания этнической политизации за два периода постсоветской истории: президентство Б.Н. Ельцина (1991–1999 гг.) и фактическое, а с 2000 г. и официальное лидерство В.В. Путина (1999 г. – н.в.).

Первый период прошел под знаком политической активности этнических меньшинств: «парад суверенитетов» российских республик в 1990–1991 гг., «осетино-ингушский» конфликт, референдум о суверенитете Татарстана с требованием признать его международный статус (1992 г.), чеченский конфликт (1994–1996 гг.). Данные процессы демонстрировали политизацию этничности в среде меньшинств. К концу 1990-х гг. начался спад их активности. Обратную динамику продемонстрировали представители этнического большинства России. Политизация их этничности не наблюдалась в первый из названных периодов, но значительно активизировалась во второй. Исследования Института социологии РАН показали, что с середины 1990-х гг. рост этнического самосознания русских и его темпы оказались вдвое выше, чем у других народов России. Быстрее всего усилились наиболее эмоционально выраженные и политизированные его формы. В 1994 г. не более 8% русских в республиках России отвечали, что «любые средства хороши для отстаивания благополучия моего народа», однако в 1999 г. с данной установкой согласились более четверти русских респондентов [*Паин* 2004, 184–185]. Тогда быстро росла и поддержка радикального националистического лозунга: «Россия – для русских». По данным ВЦИОМ (тогда им руководил Ю. Левада), доля людей, которые полностью или частично поддерживали эту идею, возросла с 45% до 55% опрошенных за период с 1989 по 2002 гг. [Общественное… 2002, 128].

Этническая политика обоих российских президентов имела реактивный характер – она формировалась как ответ на актуальные вызовы. В эпоху Ельцина они исходили от меньшинств, а в период Путина – от этнического большинства. Анализируя перемены в ситуации и реакцию политиков, автор предположил, что рост этнической политизации русских, прежде всего этноцентристских групп (т.н. «этнические антрепренеры»), стал ответом на предшествующую активизацию таких же акторов в среде меньшинств. Данная гипотеза легла в основу концепции «маятника», главный признак которого заключается во взаимозависимости колебаний: движение в одном направлении вызывает ответное движение в противоположную сторону. Автор прогнозировал, что политическая активизация этнического большинства в конце 1990-х гг. вызовет ответную активность меньшинств в начале 2000-х гг., в результате чего завершится полный цикл колебаний маятника. Однако эта гипотеза не подтвердилась. После 2004 г. вместо нового цикла политизации российских этнических меньшинств начался ее спад. В 2000-е гг. изменилась и область этнополитической напряженности: она переместилась из этнически специфичных регионов России в крупнейшие города. Данные процессы были связаны уже не с проявлениями сепаратизма в российских республиках, а с миграцией выходцев из бывших республик СССР. Со временем автор переосмыслил причины чередования активности этнических меньшинств и этнического большинства в 1990-е гг. Эти процессы могли быть связаны не столько с «ответом» одних этнических групп на действия других, сколько с разной скоростью групповой консолидации этнических меньшинств и большинства.

Скорее всего, причина всплеска политизации этничности была общей для обоих этих типов общностей. Распад СССР, подобно другим радикальным переменам в мировой истории, породил кризис гражданской идентичности и стимулировал сплочение людей в рамках традиционных общностей – этнических, конфессиональных и земляческих. Этнические и конфессиональные меньшинства, особенно их локальные группы, консолидируются быстрее, чем этническое большинство. Первым проще найти в своей исторической памяти обиды, которые они интерпретируют как этническую дискриминацию.

Следует подчеркнуть, что модель маятника не отображала сущность наблюдавшихся процессов, в результате чего автор стал употреблять словосочетание «этнополитический маятник» исключительно как метафору любых колебаний в этнополитической сфере [*Pain*

2013]. Можно предположить, что модель маятника в принципе не может быть релевантной для социальных, культурных и политических процессов, которые менее детерминированы и уравновешены, чем колебания механического прибора. Однако данный образ продолжал интересовать исследователей этнополитических процессов. Группы ученых продолжили теоретические эксперименты по моделированию цикличности этнополитических процессов.

В 2017 г. петербургские политологи предложили свою версию модели – концепцию «маятника национальной политики». По их мнению, в советской истории можно было зафиксировать следующую цикличность: «…мягкие волны в национальной политике СССР (защита интересов меньшинств, своего рода мультикультурализм, или «коренизация») чередовались с жесткими (ставка на русификацию), причем каждая новая волна выглядела как реакция на недостатки и “перегибы” предыдущей» [*Щербак и др.* 2017, 99–100]. Гипотеза опирается на «геополитическую теорию этничности» американского социолога Р. Коллинза. Согласно ей, в мирное время государство в лице правительства готово учитывать интересы меньшинств, однако в периоды геополитической напряженности оно старается подчинить их интересам большинства, делая упор на национальное единение [*Collins* 2004].

К истории Советского Союза теория Р. Коллинза безусловно не применима. Исходя из нее, правомерно предположить, что «мягкие» волны национальной политики должны были приходиться на мирные периоды советской истории, а «жесткие» – на периоды войн и конфликтов. Между тем в Советском Союзе массовые депортации граждан по этническому признаку начались в относительно стабильные годы, задолго до войны[2]. В годы Великой Отечественной войны власти стремились опираться на поддержку меньшинств и продвигали их представителей на командные посты в армии и руководящие должности на предприятиях оборонной промышленности [*Паин* 2023, 178–180]. Впрочем, и в годы войны советская национальная политика была разнонаправленной, поэтому опора на одни группы меньшинств сопровождалась депортацией ряда других этнических общностей (1941–1943 гг. и 1944 г.). Следовательно, невозможно выделить циклы «мягких» и «жестких» волн в данный период, поскольку почти каждый фрагмент истории СССР сочетал в себе политику обоих типов. Например, некоторые обозреватели называли «русификацией» радикальное изменение этнического состава населения Казахстана вследствие организованного центральной властью притока в республику русскоязычного населения и вытеснения казахского языка русским. Этот процесс наблюдался как в военные, так и в послевоенные годы – особенно при освоении целины (1954–1965 гг.).

Насильственные переселения сочетались с политикой «коренизации». Она проявлялась, например, в создании государством преимуществ для получения высшего образования представителями титульных национальностей. Такая политика проводилась во всех республиках Средней Азии, однако лишь в Казахстане доля студентов-казахов не только росла, но и постоянно превышала долю русских учащихся. Индекс представленности студентов разных национальностей Института этнологии РАН показал, что в 1961 г. в Казахстане на 135 казахов приходилось 103 русских, а в 1979 г. соотношение составило уже 133 казаха на 90 русских, в 1989 г. диспропорция стала еще заметнее (на 147 казахских студентов приходилось только 83 русских) [Русские… 1992, 101]. В то же время доля казахов в крупнейших вузовских городах республики не дотягивала до доли русских горожан.

[2] Как показывают исследования П. Поляна, уже в 1928–1933 гг. проводилась массовая депортация финнов и ингерманландцев; в 1936 г. – депортация поляков; в 1937 г. – началась тотальная депортация многих народов из разных регионов страны. Массовыми были и послевоенные депортации народов 1946–1953 гг. [*Полян* 2005].

Например, в 1986 г. казахи составляли 75,8% от численности всех студентов алматинского Казахского государственного университета, но менее трети от численности населения Алма-Аты [*Паин* 2023, 218].

Стоит упомянуть еще один признак искусственно созданных преимуществ для представителей титульных национальностей в большинстве союзных республик. Их представители преобладали в составе руководящих органов партии и государственного управления непропорционально численности этнических групп в населении республик. В некоторых субъектах такие диспропорции были особенно заметны. Например, в Молдавии 1970–1980-х гг. служащие-молдаване в 1,4 раза превышали долю русских в расчете на равную численность жителей (10 тыс.). В Грузии показатель был даже больше – в 2,5 раза [Русские… 1992, 127].

Вместе с тем, в обеих названных республиках в те же годы проявилось недовольство политикой, которую уже тогда в диссидентских кругах называли «русификацией». В 1976 г. в вузовских городах Грузии прошли протестные акции против перевода обучения студентов технических вузов и естественно-научных факультетов Тбилисского государственного университета на русский язык. 4 апреля 1978 г. в Тбилиси на демонстрацию под лозунгом «против русификации Грузии» вышло несколько десятков тысяч человек. Они требовали включить в проект новой конституции Грузинской ССР статью о грузинском языке как государственном [*Паин* 2023, 230]. В 1988 г. возникло «Демократическое движение Молдовы», которое добивалось предоставления молдавскому языку статуса государственного и перевода его на латинскую графику.

Далее будут проанализированы последствия противоречивого сочетания двух противоположных политических курсов в советских республиках: содействовать социальному продвижению представителей титульных национальностей, с одной стороны, и ограничить их запросы в сфере национально-языковых отношений, с другой. Следует еще раз подчеркнуть, что несовместимые направления государственной национальной политики не позволяют выявить единый тип национальной политики СССР на протяжении различных периодов его истории. Следовательно, мала вероятность определить строгие временн***ы***е циклы смены таких типов.

Исходя из данных соображений, это исследование опирается не столько на теоретико-типологический, сколько на конкретно-исторический анализ разнообразных ситуаций в советской национальной политике.

О сочетании принципов: «право наций на самоопределение» и Realpolitik

Существуют разные оценки ленинского подхода к принципу права наций на самоопределение. В.В. Путин не раз называл его бомбой или миной. Выступая на пленарном заседании Общероссийского народного фронта в Ставрополе 25 января 2016 г., он объяснил свою позицию, уточнив, что именно Лениным, а не Сталиным «была заложена мина под здание нашей государственности». «Я имел в виду дискуссию между Сталиным и Лениным по поводу того, как строить новое государство – Советский Союз»[3], – подчеркнул российский президент

Американский историк Р. Пайпс иначе толковал происхождение и сущность ленинской концепции права наций на самоопределение. Во-первых, он считал, что между вождями большевиков не было существенных идейных расхождений. Во-вторых, большевистский

[3] Путин раскритиковал Ленина за идею равноправия республик с правом выхода из СССР. Интерфакс. 25.01.2016. (https://www.interfax.ru/russia/491443).

вариант идеи самоопределения наций исследователь рассматривал всего лишь как имперскую уловку большевиков. Их цель, по мнению Пайпса, заключалась в том, чтобы привлечь на свою сторону национальные движения. На самом деле, по убеждению американского историка, Ленин «всегда желал, чтобы империя продолжала существовать». Следует рассмотреть оба эти представления.

Версия о том, что большевики выдвинули принцип права наций на самоопределение с целью угодить национальным движениям, не подтверждается исторически. Данная концепция была изложена уже в первой программе РСДРП в 1903 г., когда в Российской империи еще не сложились национальные движения, кроме польского. Еще важнее другой факт: в предреволюционную эпоху российские социал-демократы не стремились сохранить империю. Их программа провозглашала противоположную цель: «Низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой, в которой должно быть конституционно закреплено: право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства»[4].

Данное программное положение по национальному вопросу и после выхода царского манифеста 17 октября 1905 г. осталось самым радикальным предложением в этой сфере. Тогда новые партии стали публично критиковать государственную политику по отношению к многочисленным народам России. Так, «октябристы» были ярыми сторонниками империи, выступая за «ограждение единства политического тела» России и против какой-либо автономизации. Тем не менее, они хотели смягчить излишнюю жесткость имперской политики и восстановить хотя бы ограниченную к тому времени автономию Финляндии, не допуская никаких других[5]. Программа кадетов включала в себя тезисы об автономном устройстве не только Финляндии, но и Царства Польского. Другим народам предоставлялось лишь право «свободного культурного самоопределения», которое предусматривало возможность сохранить свой национальный язык, традиции и верования, однако административная автономия им не предоставлялась[6]. Партия социалистов-революционеров (эсеры) провозглашала своей целью «установление демократической республики с широкой автономией областей и общин». Эсеры никогда не выступали за распад российского государства – они добивались «федеративных отношений между отдельными национальностями»[7].

Лишь большевики требовали разделить империю. Ленин в 1914 г. в статье «О праве наций на самоопределение» сформулировал, что «…под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства»[8]. По его мнению, Россия не представляла собой национальное государство и могла стать таковым, лишь поддержав право украинцев и поляков на создание отдельных от России национальных государств. Годом ранее идею самоопределения наций в результате отделения от Российской империи изложил Сталин в своей первой теоретической работе «Марксизм и национальный вопрос» (февраль 1913 г.). Ленин публично одобрил это сочинение[9]. Именно его одобрение позво-

[4] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. М., 1970. С. 63.

[5] Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX в. Сост. и ред. И.В. Нам. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2016. С. 6.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 7.

[8] Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // ПСС. Т. 25. С. 258–259.

[9] Ленин В.И. Тезисы по национальному вопросу // ПСС. Т. 23. С 315–323.

лило Сталину получить в среде большевиков признание в качестве главного специалиста по национальной тематике.

Следует отдельно указать на хронологический период, в который Ленин и Сталин изложили стратегию национальной политики своей партии. Речь идет о кануне и начале Первой мировой войны, когда вопрос о праве наций на самоопределение перестал быть сугубо теоретическим. Государства, которые вошли во враждующие военные блоки (Антанта и Тройственный союз), стремились использовать эту идею, чтобы ослабить своего противника (вплоть до устранения в результате распада). Россия поддерживала сепаратизм балканских народов, которые входили тогда в состав Австро-Венгерской империи. Последняя, в свою очередь, вместе со своим союзником Германией искала уязвимые места в национальном устройстве России. Только Ленин выдвинул идею поражения правительства своей страны и превращения империалистической войны в войну гражданскую. Он придерживался этой концепции не из-за подкупа и «немецких денег», о которых говорят сторонники теории заговора. Лидер РСДРП(б) изложил причины своего интереса к поражению собственного правительства в 1915 г.: проигрыш в империалистической войне и распад империи создавали наилучшие шансы на успех большевистской революции. «Революция во время войны, – писал В. Ленин, – есть гражданская война, а превращение войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами (“поражением”) правительств, а с другой стороны – невозможно на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению»[10].

Ленин говорил о поражении не только России, но и всех воюющих государств. По его мнению, «во всех империалистских странах пролетариат должен теперь желать поражения своему правительству». Однако его заявление представляло собой в основном сугубо риторический прием. Ленин знал об этом. В 1914 г. он писал, что лидеры социалистов Германии и Австро-Венгрии, а вслед за ним и пролетариат этих стран поддержали свои правительства в войне с Россией. Ленинское понимание самоуправления наций как средства распада империи было отражением его основной политической линии в те годы: «Чем хуже для правительства, тем лучше для революционеров». Большевистское толкование принципа права наций на самоопределение было выражением политического курса, который в XIX в. получил название Realpolitik. Однако основоположник этой концепции и теоретик одноименного политического направления Л. фон Рохау изначально подчеркивал приоритет актуальных прагматических задач над любыми долгосрочными идеологическими и моральными соображениями. В свою очередь лидеры большевиков декларировали противоположные приоритеты, стремясь к решению конкретной задачи захвата власти в Российской империи. Такая цель, поставленная маргинальной партией без первоначальной массовой социальной поддержки, вовсе не подразумевала сохранение империи, как полагал Пайпс. Напротив, предполагалось ее разрушение. Стремление обеспечить распад империи объясняет, почему Ленин и Сталин изначально не принимали идеи федерализма, направленного на сохранение многонационального государства. Однако отношение большевистских лидеров к первоначально чуждой им эсеровской идее изменилось после того, как они столкнулись с политической необходимостью, которая потребовала ее переосмысления.

[10] Ленин В.И. О поражении своего правительства в империалистической войне // ПСС. Т. 26. С. 287.

О смене подходов к федерализму

В работе «Критические заметки по национальному вопросу» (1913 г.) Ленин писал: «Но, пока и поскольку разные нации составляют единое государство, марксисты ни в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации»[11]. Данное заявление свидетельствует о категоричном отрицании федерализма. В полном соответствии с этой установкой выступал и Сталин. 28 марта 1917 г. в газете «Правда» он опубликовал статью, суть которой отражена в ее названии – «Против федерализма». В ней автор радикально толкует право наций на самоопределение как «право на отделение для тех наций, населяющих известные области России, которые не могут, не хотят остаться в рамках целого», и осуждает эсеровскую идею федерализма[12]. Однако уже через несколько месяцев Ленин и Сталин были вынуждены отказаться от критики этой концепции. На III-м Съезде Советов (10 января 1918 г.) большевики смогли получить контроль над делегатами только в союзе с левыми эсерами, которые никогда не отказывались от своего базового требования – федерализма. Чтобы сохранить коалицию, большевики пошли на уступки политическим союзникам. На съезде было принято решение подготовить конституцию федеративного государства (Российская Федеративная Социалистическая Республика). Ленину было поручено изложить основы еще недавно отрицаемых им федеративных принципов, а Сталину, как наркому по делам национальностей, – выступить с докладом «О федеральных учреждениях». В нем следовало обосновать роль институтов в «создании братского союза советских республик России».

Эти метаморфозы обозначили собой начало крутого разворота ленинской и сталинской национальной политики. Идею «самоопределения наций» начали подчинять прагматическим задачам актуальной политики. Данный процесс обозначил окончательную трансформацию идеологизированного курса большевистской национальной политики в сторону Realpolitik. Национальную политику тех лет можно назвать идейной по декларациям и прагматической по содержанию.

В самом начале, в 1918 г., значительная часть национальных регионов России стала претворять в жизнь большевистский лозунг о национальном самоопределении как «государственном отделении». Однако такое практическое применение ленинских идей уже не отвечало интересам лидеров большевиков. Напротив, оно вызвало у них желание пересмотреть концепцию права наций на самоопределение, поскольку идея, выдвинутая для захвата власти, не устраивала партию, которая ее уже обрела. Следует отметить и то, что новые независимые государства – Финляндия, Польша, Литва, Украина, Эстония и республики Кавказа – не демонстрировали дружественности к советской России. Они объединялись против нее с Германией и странами Антанты, а в некоторых случаях и с Белой армией. Указанные обстоятельства в немалой мере повлияли на стремление лидеров Советской России радикально изменить трактовку права наций на самоопределение.

Теоретическое основание для ее обновления было заимствовано, по крайне мере отчасти, у Р. Люксембург, которая в 1908 г. в переписке с Лениным обосновала альтернативное понимание принципа самоопределения наций. По ее мнению, буржуазный национализм узурпировал это народное право, в связи с чем она предлагала исключить данное требование из программы РСДРП. Тогда Ленин не принял ее предложение, но спустя десятилетие использовал идеи Р. Люксембург. Новая ленинская концепция не только не предусматривала обязательный выход национальных окраин из Советского государства, но и осуждала сецессию, называя ее антинародной идеей буржуазных националистов. В дальнейшем

[11] Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // ПСС. Т. 24. С. 122–123.

[12] Сталин И.В. Против федерализма. Правда. 28.03. 1917. (https://litlife.club/books/102953/read?page=5).

«борьба с буржуазным национализмом» стала универсальным оправданием всех перемен курса национальной политики большевиков.

Новая версия изменила взгляды Ленина и Сталина на федерализм. Эсеровский принцип сочетался с правом наций на самоопределение (пусть народы самоопределяются в составе федерации), а главное, позволял восстановить контроль центра над, казалось бы, потерянными после сецессии провинциями бывшей империи. Красная армия помогала возвращать их в состав государства в качестве «добровольных» автономий Российской федерации, а затем и республик единого Союза.

Так, отвергнутая некогда концепция федерализма в условиях гражданской войны стала спасительной для большевиков. Кроме того, федерализм соответствовал давней мечте марксистов о мировой революции.

1 ноября 1918 г. Ленин написал ближайшим соратникам Я. Свердлову и Л. Троцкому, что «…Международная революция приблизилась… на такое расстояние, что с ней надо считаться как с событием дней ближайших»[13], а 6 марта 1919 г. в своей заключительной речи при закрытии Первого (учредительного) конгресса Коминтерна он заявил: «Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание международной Советской республики»[14]. В таких условиях Ленин видел федерацию как союз народов мира. В 1922 г. при подготовке Союзного договора он предложил вместо выдвинутого Сталиным проекта вступления республик в состав РСФСР создать «формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии». Такое название предполагало возможность его глобального расширения. Упоминание о мировом союзе советских республик убрали в 1936 г. при подготовке «Сталинской конституции». Тем не менее, по инициативе Сталина принцип федерализма, да еще и с формальным правом выхода республик из СССР, в ней сохранился.

Смена курса в отношении к меньшинствам

Левое течение в политике и идеологии традиционно характеризуется стремлением к эгалитаризму – равенству. Оно достигается прежде всего за счет поддержки, а в некоторых случаях и создания преференций для наименее защищенных и угнетенных слоев общества. В сфере национальной политики левые всегда поддерживают дискриминируемые, угнетенные меньшинства. Этот принцип был незыблемым и для Ленина. По вопросу о федерализме позиция вождя большевиков менялась до и после 1917 г., однако в отношении прав меньшинств его точка зрения была бескомпромиссной и, безусловно, левой и классовой до конца жизни в 1924 г. Классовый подход хорошо отражался в терминологии, которая подчеркивает различия между «угнетенными нациями» и «нациями угнетателей». Такими понятиями Ленин характеризовал как внутреннюю классовую раздвоенность этнических общностей (в каждой из них «есть две нации» – нация угнетенных и нация угнетателей), так и различия националистических настроений у разных этнических общностей[15]. «Необходимо отличать, – писал вождь большевиков, – национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и нации маленькой. По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми»[16].

[13] Ленин В. И. ПСС. Т. 50. С. 185.

[14] Там же. Т. 37. С. 511.

[15] Там же. Т. 24. С. 129.

[16] Там же. Т. 45. С. 359–360.

Впрочем, в ленинской интерпретации политическую активность национальных меньшинств России редко называли национализмом, определяя как «национально-освободительную борьбу». Термин «национализм» Ленин обычно использовал в сугубо негативном значении и относил его к политическим силам, которые защищали царскую власть и империю от имени этнического большинства – русских или великорусов, как их тогда называли. Такой национализм, который большевики называли «великорусским шовинизмом», «вождь мирового пролетариата» решительно осуждал. Именно Ленин первым из большевистских лидеров предложил проводить политику «позитивной дискриминации» по отношению к представителям национальных меньшинств и создавать преимущество для ранее угнетенных групп, «которое бы возмещало со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически»[17].

Принцип поддержки угнетенных наций применительно к меньшинствам руководство РКП(б) считало незыблемым. На него длительное время опирался Сталин, ответственный за национальную политику как в партии, так и в правительстве. Именно он отразил партийную точку зрения на XII-м съезде партии, который проходил уже без участия Ленина (17–25 апреля 1923 г.). В докладе Сталина «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве» выделены три основные идеи: (а) решительное осуждение «русификаторской политики царизма»; (б) поддержка борьбы «зависимых национальностей за освобождение от империалистического гнета»; (в) необходимость активной борьбы с пережитками «великодержавного шовинизма, являющегося отражением былого привилегированного положения великорусов»[18].

Считается, что именно этот доклад положил начало политике «коренизации» – одной из важнейших политических кампаний советской власти в 1923–1937 гг. В науке такую стратегию называют affirmative action – «политика позитивных действий в отношении меньшинств для обеспечения их реального равноправия». В советской политической практике она представляла собой продвижение представителей национальных меньшинств на руководящие посты в партии и в государстве; создание национальных автономий; форсированное развитие национальной (этнической) культуры, образования, искусства и т. д.

Бесспорно, эта кампания привела к ряду положительных результатов. Более 40 народов впервые обрели собственный алфавит и письменность. Многие крупные народности (например, белорусы) впервые стали получать начальное образование на родном языке, что особенно важно для сельской местности; у общностей, не имевших национальных республик в составе СССР (поляков, финнов, евреев, цыган и др.), в 1920-е гг. появились свои школы, газеты, театры. Однако скоро обнаружились и недостатки «коренизации», которая опиралась на формально-бюрократические методы.

В ходе повальной кампании национальные школы открывали до того, как подготовили преподавателей для работы в них. В селах всегда не хватало учителей, в то время как во многих городах количество школ превышало количество учеников, которые могли бы в них учиться. Запись в школы проходила на основе принудительной этнической идентификации (по происхождению родителей), хотя ребенок по языку и культуре мог относить себя к другой этничности. Через несколько лет стало понятно, что образование, полученное в школах, созданных преимущественно для отчетности, было формальным. Многие выпускники таких учреждений оказывались неконкурентоспособными в реальной жизни.

[17] Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 359.

[18] Сталин И.В. (1923) Национальные моменты в партийном и государственном строительстве. Тезисы к XII съезду РКП(б), одобренные ЦК партии. Правда. № 65. 24.03. (http://www.hrono.ru/libris/stalin/5-11.html).

Еще хуже дела обстояли на главном направлении «коренизации» – в поощрении продвижения по службе, карьерной мобильности национальных кадров. Как правило, одни группы национальных меньшинств продвигали во власть за счет вытеснения из нее других меньшинств. Например, при «коренизации» Совнаркома Грузии его руководство «очистилось» не только от русских, но и от армян, которые составляли около 15% населения Тифлиса в 1920-е гг. Под лозунгом «коренизации» проходила и насильственная ассимиляция меньшинств: в Грузии – абхазов и осетин; в Азербайджане – грузин, армян, лезгин; на Украине – русинов; в Узбекистане – таджиков и т. д.

Уже к началу 1930-х гг. стало проявляться растущее разочарование партийного руководства в политике поддержки «угнетенных народов». Отметим несколько факторов, которые привели к такой перемене настроений.

Во-первых, в ходе начатой в 1928 г. коллективизации и последовавшего раскулачивания выяснилось, что некоторые «угнетенные нации» экономически более обеспечены, чем великорусские крестьяне. По этой причине во многих регионах доля так называемых кулаков среди представителей национальных меньшинств была зачастую значительно выше. Более половины первой группы крестьян, репрессированных в 1930–1931 гг. в Ленинградской области как кулаки, составили ингерманландцы (ингерманландские финны). В то же время доля этой этнической группы в общей численности населения области не превышала 2% [*Мусаев* 2004, 222]. Диспропорции в национальном представительстве репрессированных крестьян в тот период времени не были связаны с этнической дискриминаций. Они возникли в результате классовой борьбы, в ходе которой людей делили на богачей и бедняков и не принимали в расчет историко-культурные особенности этнических и религиозных групп населения. Большая доля зажиточных крестьян среди презираемых в имперские времена «чухонцев» во многом была обусловлена тем, что ингерманландцы, преимущественно лютеране по вероисповеданию, придерживались протестантской трудовой этики. Ее влияние на экономические успехи отмечал еще социолог М. Вебер в классической работе «Протестантская этика и дух капитализма» [*Вебер* 2017].

Во-вторых, именно в национальных регионах население сильнее всего сопротивлялось как коллективизации, так и раскулачиванию. Дело не только в разном уровне экономического положения крестьян, но и в историко-культурных факторах, которые обуславливали различное отношение к зажиточным людям. В России давно сложился негативный образ богатого крестьянина, что выражалось в презрительных кличках «кулак» и «мироед». Их объяснял В. Даль в своем толковом словаре XIX в. и анализировал Н. Добролюбов в эссе «Черты для характеристики русского простонародья» (1859 г.). Ненависть бедных слоев населения к кулакам проявилась в период раскулачивания. Низовая крестьянская масса, принимавшая активное участие в выселении кулаков и захвате их имущества в регионах, где проживали русские, лютовала сильнее, чем ОГПУ. Дело дошло до того, что 25 июня 1932 г. ЦИК СССР издал постановление «О революционной законности», направленное на прекращение самочинных репрессий против кулаков[19]. Совсем иначе относились к кулакам в тех районах, где состоятельные крестьяне были не только уважаемыми людьми, но и лидерами общин, вирдов и джамаатов; старейшинами родов, тейпов, тукхумов, жузов и др. Население не давало их в обиду.

Трудно сказать, когда именно классовые репрессии переросли в этнические чистки. Однако к 1933 г. такой переход стал заметным, и власти вновь вспомнили о «борьбе с буржуазным национализмом» как об универсальном оправдании смены курса национальной

[19] О революционной законности. Постановление ЦИК и СНК СССР. (Утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 25.VI.1932 г.). Приложение № 7 к п. 57/3 пр. ПБ № 106. (http://istmat.info/node/56126).

политики. Данный прием они опробовали на Украине. Примером может служить дело Н.А. Скрипника, который проводил политику «коренизации» в свою бытность министром образования УССР. После его самоубийства отношение к этому партийному функционеру изменилось. На ноябрьском 1933 г. объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У была принята резолюция о появлении в рядах партии «нового националистического уклона», якобы возглавляемого покойным Н.А. Скрипником [*Паин* 2023, 169]. После этого решения началась кампания по борьбе с национализмом, которая приняла широкий размах в различных республиках.

В начале 1935 г. в партийных организациях Советского Союза повсеместно обсуждалось закрытое письмо ЦК ВКП(б) об убийстве С.М. Кирова и «зиновьевско-троцкистской контрреволюционной группе». В первую очередь власти призывали повысить бдительность по отношению к националистическому подполью. «Происки националистов» контролирующие органы видели во всем. Например, комиссия из Москвы в Марийской АССР нашла проявление национализма в названии колхоза «Мари-Патыр» (Марийский богатырь), а вскоре была «…вскрыта и ликвидирована националистическая троцкистско-террористическая, диверсионно-вредительская организация с ответвлениями в национальных республиках: Марийской, Мордовской, Удмуртской, Карельской и Коми, ставившая своей целью объединение всех угро-финских народностей и выход их из СССР» [*Паин* 2023, 169].

К 1937 г. кампанию «коренизации» во многом вытеснила противоположная стратегия – депортация так называемых «наказанных народов» в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Насильственное переселение со своих этнических территорий тех, кого еще недавно называли «угнетенными нациями», затронуло как малочисленные, так и этнические общности, которые насчитывали сотни тысяч жителей: крымских татар, советских немцев, чеченцев и ингушей, балкарцев и карачаевцев, калмыков и др. Политика депортации фактически означала полный разрыв с идеологическими нормативами марксизма в национальном вопросе. Даже ссылка на борьбу с буржуазным национализмом не закрывала собой эту идеологическую брешь.

На первый взгляд может показаться, что конец 1930-х гг. обозначил жесткую границу между двумя эпохами. Первая из них опиралась на марксистскую идеологию и заключалась в государственной поддержке меньшинств (политика «коренизации»). Вторая, противоположная и идейно оппортунистическая, выразилась в репрессиях по отношению к этническим меньшинствам. Вместе с тем вывод о полной несовместимости двух указанных политических курсов был бы упрощением исторических реалий, поскольку оба курса проводили одновременно.

Трудно определить однозначно, какими мотивами руководствовались советские лидеры, восстанавливая некоторые меры политики «коренизации» в послевоенные годы. В частности, для представителей титульных национальностей вновь создавали преимущественные условия в сферах образования и социально-профессиональной мобильности. Также в некоторых автономных образованиях РСФСР развивали письменность и начали печатать книги на местных языках. Возможно, главную роль в возвращении отдельных мер «коренизации» сыграли идеологические мотивы: принцип поддержки меньшинств отражал одну из фундаментальных особенностей марксистско-ленинской идеологии, от которой полностью не мог отказаться ни один из советских лидеров. Возможно, что эта политика была мотивирована прагматическими соображениями. Ее использовали как компенсаторное средство в тяжелые послевоенные годы, чтобы стабилизировать социально-политическую ситуацию в союзных и автономных республиках. В таком случае советские политики, возродившие «коренизацию», совершили стратегическую ошибку. Впослед-

ствии форсированный рост студенчества и национальной интеллигенции способствовал формированию социальных и политических сил, которые внесли немалый вклад в дезинтеграцию Советского Союза.

Определенно можно констатировать одно: распространенное представление о том, что политическая эпоха поддержки меньшинств сменилась периодом опоры властей на этническое большинство, ошибочно. Нет доказательств тому, что в советское или в постсоветское время существовала особый курс, который обеспечивал этническим русским какие-либо социальные или политические преимущества. Так называемая «опора на большинство» проявлялась исключительно в форме идеологической кампании. Так, в 1940-х гг. из официального советского дискурса исчезла риторика борьбы с великодержавным и великорусским шовинизмом. Появились новые нарративы о «великой державе», «Великой Руси» и о русском народе, который «является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза»[20]. Между тем декларации о русских как «старшем брате» и России как «старшей сестре» не подкреплялись социально-экономическими или политическими действиями властей. Как отмечалось выше, в составе студенчества, партийного и государственного управления в республиках русские были представлены ниже своей доли в населении этих регионов, но и в РСФСР они не имели преимуществ. В 1990 г. ее граждане по большинству показателей благосостояния не выглядели старшими и первыми среди народов и республик страны. Например, по объему банковских вкладов и владению личным автотранспортом жители России отставали от представителей Эстонии, Латвии, Литвы, Грузии, Армении, Украины и Белоруссии. По обеспеченности жильем они пропускали вперед эти же республики и Молдавию. По уровню здоровья населения и продолжительности жизни в Советском Союзе лидировали Эстония, Литва, Латвия, Белоруссия и Украина [*Андреев, Дарский, Харькова* 1993].

Об асинхронности этнополитических колебаний

Противоположность подходов к советской национальной политике и одновременно их парадоксальная совместимость проявились не только у политических деятелей, но и у научных экспертов. Например, историк, исследователь советского периода и бывший партийный функционер А. Авторханов считал, что главной целью советской политики по отношению к союзным и автономным республикам была имперская колонизация их территорий и ассимиляция меньшинств (их русификация) [*Авторханов* 1998]. К противоположному заключению пришел американский историк Т. Мартин. По его мнению, если СССР и был империей, то весьма своеобразной. Историк назвал ее affirmative action empire («империя позитивной дискриминации»), поскольку в 1920–1930-х гг. в Советском союзе создавались привилегированные условия именно для национальных меньшинств [*Мартин* 2011]. В тот же период повсеместно проводилась политика «коренизации» (в некоторых регионах Советского Союза она продолжилась и в послевоенные годы).

Позиции Авторханова и Мартина кажутся несовместимыми, однако их подходы дополняют друг друга в объяснении отдельных аспектов и применительно к отдельным периодам советской истории. В данном контексте колебания курса национальной политики и отражающие их экспертные оценки могут отдаленно напоминать действие «этнополитического маятника». Вместе с тем следует выделить особенность этнополитических процессов, которая принципиально отличает их от маятника. Он всегда раскачивается син-

[20] «За русский народ!» Прием в Кремле в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 года // «Наука и жизнь». 2005. № 5; Преподавание истории в школе. № 2. 2005. С. 23.

хронно и ритмично (отклонение маятника в одну сторону строго соответствует времени возврата к центру тяжести и движению его в другую сторону). Динамика этнополитических процессов всегда асинхронна. Последствия национальной политики проявляются не сразу, а с задержкой – иногда маятник «зависает» на многие годы.

Можно привести примеры, начиная с Балтии [*Паин* 2023, 214–231][21]. В Литве, Латвии и Эстонии после подавления в1950-е гг. вооруженных национальных движений почти тридцать лет не проходили массовые протесты. В 1960–70-е гг. уровень публичной протестной активности в регионе был ниже, чем в ряде других союзных республик. Во всяком случае, бурные обсуждения проектов республиканских конституций в 1978 г. не затронули Балтию. Однако через десять лет именно там поднялась самая мощная в Советском Союзе волна национально-протестных движений. 11 сентября 1988 г. на Певческом поле Таллина начался музыкально-культурный фестиваль, собравший около 300 тыс. эстонцев – почти треть населения республики. Так началась «Поющая революция» – серия мирных акций протеста, которые изначально были связаны преимущественно с требованиями развития национальной культуры и языка. Они охватили все республики региона. Очень скоро «Поющая революция» переросла в процесс суверенизации балтийских республик. 16 ноября 1988 г. государственный суверенитет объявили в Эстонской ССР; 26 мая 1989 г. – в Литовской ССР и 28 июля 1989 г. – в Латвийской ССР. Вслед за ними «Парад суверенитетов» прокатился по всем союзным республикам [*Паин* 2023; 201–203, 207–211, 236].

В марте 1956 г. начались первые многотысячные протесты в Грузинской ССР. Они были направлены против политики Н. Хрущева по десталинизации и продолжались несколько дней, после чего затихли. Такое затишье сохранялось в Грузии около двадцати лет. Вторая волна протестов прошла в 1976 и 1978 г. Их причиной стало недовольство грузинских студентов и интеллигенции отношением властей к грузинскому языку. Новая вспышка массовой протестной активности в Грузии началась еще через десять лет. 4 апреля 1989 г. у Дома правительства Грузинской ССР начался митинг, организованный лидерами грузинского национального движения З. Гомсахурдия, М. Коставой и др. под лозунгами: «Долой коммунистический режим» и «СССР – тюрьма народов». Митинг был объявлен бессрочным, но 9 апреля его разогнали армейские части. В результате их действий 16 человек погибли непосредственно на площади, еще трое вскоре скончались от полученных там травм. Демонстрация и сопровождавшие ее события положили начало выходу Грузии из Советского Союза [*Паин* 2023; 198–199, 222].

Первый мощный подъем политизации этничности в Армянской ССР проявился в 1964–1966 гг. Поводом тому стала трагическая дата – 50-летие геноцида армян в Османской империи (1915 г.). В это время сформировалась подпольная партия «Национальная объединенная партия» (НОП), которая ставила своими программными целями государственную независимость Армении и возвращение ей земель, отнятых Турцией. Движение было подавлено. В годы брежневской стабильности советское руководство было уверено, что в Армении подъем национального сепаратизма менее вероятен, чем в других республиках Кавказа. Однако спустя двадцать лет в республике началась более радикальная волна этнополитической мобилизации, чем в 1960-е гг. Она была связана с Карабахским конфликтом, который имеет давние исторические корни. В 1987–1988 гг. он обострился. Советское руководство не нашло средств решения или хотя бы частичной нейтрализации этого конфликта. Кризис нарастал и в немалой мере укрепил радикальные политические

[21] Здесь и далее примеры периодических спадов и подъемов политизации этничности в республиках Балтии и Южного Кавказа опираются на источники, подробно описанные в: Паин Э.А. (2023) Этничность нация и политика: критические очерки по этнополитике М.: НЛО. С. 197–236.

силы в Армении и Азербайджане, которые были ориентированы на отделение республик от Советского Союза и возбуждали этнические чувства населения для достижения этой цели [*Паин* 2023, 223].

Во всех рассмотренных случаях наблюдались значительные временны**е** интервалы между волнами этнополитической мобилизации, измеряемые десятилетиями. Во всех республиках уровень жизни населения был выше средней по СССР – во всяком случае он превосходил средний уровень благосостояния жителей РСФСР. Однако это обстоятельство не компенсировало недовольство национальных элит состоянием этнополитических отношений. Иногда высокий уровень жизни способен усиливать такое недовольство. Чрезвычайно важную роль в мобилизации этничности играли и играют проблемы в языковой сфере (слабая защищенность и низкий социально-политический статус национального языка), а также утрата национальных символов. Например, священный для армян символ, гора Арарат, находится на территории Турции по решению, как считают в Армении, советского правительства от 1921 г.[22]. Данный факт не раз служил поводом для недовольства населения, и его вспоминают каждый раз, когда начинают развиваться процессы этнополитической мобилизации армян.

Советский опыт слабо осмыслен и применен в современной политической практике Российской Федерации, так как некоторые ошибки советской истории повторяются. Так, в 1970-е гг. советское руководство запрещало включать норму о государственном языке республик в их конституции. В современный период федеральная власть не предпринимает открытых попыток запретить или отменить такую норму, но фактически лишила языки титульных национальностей статуса государственных, сделав их необязательными для изучения. Соответствующие поправки в закон об образовании (Статья 14. Язык образования) были внесены 2 июля 2021 г.[23]. В декабре того же года Президент РФ В.В. Путин утвердил закон об организации публичной власти в субъектах России, который запрещает их главам называться президентами[24]. Против закона на стадии его рассмотрения выступила республика Татарстан. Оба законодательных акта свидетельствуют о том, что в современной национальной политике России преобладают запретительно-ограничительные инструменты, которые в республиках могут воспринимать как посягательства на национальные символы. Пока законодательные акты 2021 г. вызвали недовольство только у некоторых представителей национальной элиты и не привели к массовой политизации этничности, но так было и в Советском Союзе.

История советской национальной политики, при всех ее колебаниях и изменениях, подтвердила общую и давнюю историческую закономерность – национальные обиды не забывают. Они могут быть отложены в массовом сознании на десятки лет, но в периоды системных кризисов национальные элиты вновь оживляют их. Эксплуатация национальных обид обычно проявляется во времена, наихудшие для сохранения целостности страны и наилучшие для распространения национал-сепаратизма.

---

[22] Существуют разные точки зрения о причинах передачи этой территории Турции и о политических субъектах, ответственных за это решение.

[23] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.07.2021). Консультант Плюс. (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/bf7fadb3532c712ccd28cc2599243fb8018ed869/).

[24] Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 N 414-ФЗ (последняя редакция). Консультант плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/).

В России возможность обострения сохраняется еще и потому, что в условиях слабого развития институтов гражданского общества и низовых самоорганизующихся политических объединений этническая и конфессиональная идентичности выступают наиболее доступными для массового сознания формами групповой идентификации и низового политического самоопределения [*Рыжова* 2015].

Российская Федерация – многосоставное государство, в котором большая часть его субъектов нуждается в межбюджетных трансфертах (дотации, субсидии, субвенции и прочие) из федерального бюджета. Национальные республики нуждаются в дотациях больше, чем русские края и области, что выступает условием их лояльности по отношению к центру. Следовательно, при дефиците федерального бюджета может возникнуть угроза недовольства в республиках России. Именно в таких ситуациях следует быть особенно осмотрительными при принятии управленческих решений, которые могут задеть чувства этнических групп.

Как известно, незнание законов не освобождает от ответственности (Ignorantia juris non excusat). В этнополитологии еще не выработаны точные правила, но известны закономерности, которые полезно учитывать в такой чувствительной сфере, как национальная (этническая) политика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авторханов А.Г. (1998) Империя кремля. Советский тип колониализма. Garmisch-Partenkirchen: Prometheus. 426 с. (https://vtoraya-literatura.com/pdf/avtorkhanov_imperiya_kremlya_1988__ocr.pdf).

Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. (1993) Население Советского Союза: 1922–1991 гг. М.: Наука. 143 с.

Вебер М. (2017) Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. М., СПб: Центр гуманитарных инициатив. 565 с.

Мартин Т. (2011) Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М.: РОССПЭН. 855 с.

Многосоставные государства: опыт и перспективы развития (2019) Пенза: Изд-во ПГУ. 286 с.

Мусаев В. И. (2004) Политическая история Ингерманландии в конце XIX-XX веке. СПб: Изд.-во «Нестор-История». 447 с.

Общественное мнение-2002. По материалам исследований 1989–2002 гг. (2002) М.: ВЦИОМ.

Паин Э.А. (2023) Этничность нация и политика: критические очерки по этнополитике. М.: Изд.-во НЛО. 392 с.

Паин Э.А. (2004) Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН. 328 с.

Пайпс Р. (2005) Русская революция. Кн. 3: Россия под большевиками 1918–1924. М.: ИД Захаров. 704 с. (https://litlife.club/books/122334/read?page=1).

Полян П.М. (2005) Депортации и этничность // В: Сталинские депортации. 1928–1953. М.: Изд-во Материк. 904 с.

Русские (Этносоциологические очерки) (1992) М.: Наука. 461 с.

Рыжова С.В. (2015) Этноконфессиональная идентичность и формирование религиозных политических ориентаций // Социологические исследования. № 10. С. 136–144.

Щербак А.Н, Герина Я.Я., Бердюженко Д.А., Мендыгалиева А.Б., Зайцева А.В. (2017) Влияние внешней политики на национальную политику СССР // Полития. № 3. С. 99–116.

Collins R. (2004) Interaction Ritual Chains. Princeton: Princeton University Press. 464 p.

Pain E. (2013) The Ethno-Political Pendulum: The Dynamics of the Relationship Between Ethnic Minorities and Majorities in Post-Soviet Russia // In: Managing Ethnic Diversity in Russia. Ed(s): O. Protsyk, B. Harzl. Milton Park: Routledge. Pp. 173–189.

REFERENCES

Avtorhanov A. (1998) *Imperiya kremlya. Sovetskiy tip kolonialisma* [The Kremlin Empire. The Soviet Type of Colonialism]. Garmisch-Partenkirchen: Prometheus. 426 p. (https://vtoraya-literatura.com/pdf/avtorkhanov_imperiya_kremlya_1988__ocr.pdf).

Andreev E.M., Darsky L.E., Kharkova T.L. (1993) *Naselenie Sovetskogo Soyuza: 1922–1991* [Population of the Soviet Union: 1922–1991]. Moscow: Nauka. 143 p.

Collins R. (2004) *Interaction Ritual Chains*. Princeton: Princeton University Press. 464 p.

Martin T. (2011) *Imperiya "polojitelnih deistviy". Nacii I nacionalizm v SSSR 1923–1939* [The Empire of "Affirmative Actions". Nations and Nationalism in the USSR. 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN. 855 p.

Mnogosostavnie gosudarstva: opit i perspectivi rasvitia [Multi-component States: Experience and Development Prospects]. (2019) Penza: Izd-vo PGU. 286 p.

Musaev V. I. (2004) *Politicheskya istiriya Ingrmanlandii v kontse IX–XX veka* [Political History of Ingermanland at the End of the XIX–XX Century]. SPb: Nestor-Istoriya. 447 p.

Obshestvennoe mnenie – 2002. Po materialam 1989–2002 gg. [Public Opinion – 2002. Based on Research Materials 1989–2002] (2002) Moscow: VTSIOM.

Pain E.A. (2023) *Etnichnost' natciya I politika* [Ethnicity, Nation and Politics: Critical Essays on Ethnopolitics]. Moscow: NLO. 392 p.

Pain E. (2013) The Ethno-Political Pendulum: The Dynamics of the Relationship Between Ethnic Minorities and Majorities in Post-Soviet Russia. In: *Managing Ethnic Diversity in Russia*. Ed(s): O. Protsyk, B. Harzl. Milton Park: Routledge. Pp. 173–189.

Pain E.A. (2004) *Ethnopoliticheskiy mayatnik. Dinamika I mehanizmi etnopoliticheskih procesov v postsovetskoy Rossii* [Ethnopolitical Pendulum. Dynamics and Mechanisms of Ethnopolitical Processes in Post-Soviet Russia]. Moscow: IS RAN. 328 p.

Pipes R. (2005) *Russkaya Revolyuciya. Kniga 3: Rossiya pod bolshevikami* [The Russian Revolution. Book 3: Russia under the Bolsheviks 1918–1924]. Moscow: ID Zakharov. 704 p. (https://litlife.club/books/122334/read?page=1).

Polyan P.M. (2005) Deportacii I etnichnost' [Deportations and Ethnicity]. In: *Stalinskie deportacii 1928–1953*. Moscow: Izd-vo Materik. 904 p.

Ryzhova S.V. (2015) Ethno-confessional'naya identichnost' I formiriovanie religioznih politicheskih organizatciy [Ethno-Confessional Identity and the Formation of Religious Political Orientations]. *Sociologicheskie issledovaniya*. no. 10, pp. 136–144.

Russkie (Ethnosociologicheskie ocherki) [Russians (Ethnosociological Essays)] (1992) Moscow: Science. 461 p.

Shcherbak A.N., Gerina Ya.Ya., Berdyuzhenko D.A., Mendygalieva A.B., Zaitseva A.V. (2017) Vliyanie vneshney politiki na nacional'nuy politiku v SSSR. [The Influence of Foreign Policy on the National Policy of the USSR]. *Politiya*. no. 3, pp. 99–116.

Weber M. (2017) *Izbrannoe. Protestanskaya etika I duh kapitalizma* [Favorites. Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]. Moscow, SPb: Centr gumanitarnogo initsiativ. 565 p.

Информация об авторе

Паин Эмиль Абрамович, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор-исследователь Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: Москва, Мясницкая ул., 20, 101000. E-mail: epain@hse.ru

About the author

Emil A. Pain, Doctor of Political Science, Candidate of Sciences (History), Research Professor, Department of Politics and Governance, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 101000, Moscow, Myasnitskaya st., 20. E-mail: epain@hse.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 10.02.2023
Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 15.02.2023
Статья принята к публикации/ Accepted: 20.02.2023